

УДК [82-17+81`276]-021.452
DOI: 10.48164/2713-301X_2021_5_25

С.А. Голубков

Самара
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
golubkovsa@yandex.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ СУДЕБ ЛИТЕРАТУРНОГО АНЕКДОТА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

В статье идет речь об изучении анекдотических форм в современном литературоведении. Отмечается, что в последние десятилетия в филологической науке наблюдается растущий интерес к изучению семантики, прагматики и поэтики анекдота. Основное внимание в данной статье сосредоточено на книгах филолога-слависта Е.Я. Курганова «Русский Мюнхгаузен» (2017) и «Нелепое в русской литературе: исторический анекдот в текстах писателей» (2020). Если в первой из названных книг автора занимали преимущественно анекдотические формы устной коммуникации в русской культуре XIX в., то во второй книге ученый прослеживает процесс влияния анекдотических моделей на конструкцию литературных произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.П. Платонова, С.Д. Довлатова. В статье устанавливаются продуктивные и актуальные связи работ Е.Я. Курганова с отечественной научной традицией изучения анекдотического. Подчеркивается продуктивность мысли исследователя о текучести и историософичности анекдота.

Ключевые слова: анекдот, устная словесность, острословие, семантика, прагматика, повседневная коммуникация, рассказчик-простак, демифологизация, розыгрыш, сюжетное развертывание.

В последние десятилетия идет процесс своеобразной апологии анекдотического как в практике современной литературы, так и в научном осмыслении явления современными литературоведами. Об этом свидетельствует заметное увеличение на полках книжных магазинов или библиотек числа относительно недавно изданных книг, содержащих подборки анекдотов. Это сборники, повествовательные циклы, тексты, написанные в форме дневника или записных книжек. Вспомним получившие немалую читательскую популярность книги «Соло на ундервуде» и «Соло на IBM» С. Довлатова, цикл «Сказки для взрослых» В. Войновича, «Легенды Невского проспекта» и «Легенды Арбата» М. Веллера, пересыпанную анекдотами книгу О. Нестерова «Небесный Стокгольм», сборники

«СталиИада», «Из жизни звезд и метеоритов», «История государства советского в преданиях и анекдотах», составленные Ю.Б. Боревым, совсем недавно изданные «Интеллектуальные анекдоты, собранные и прокомментированные Борисом Акуниным». Сюда примыкают и разнообразные краеведческие издания, наподобие книги Н.А. Синдаловского «История Петербурга в городском анекдоте». Обилие таких книг просто невозможно было представить 30–40 лет назад, когда анекдот как таковой неизбежно ассоциировался с нежелательной политической крамоллой и был весьма сомнительным с точки зрения идеологической благонадежности жанром. Разумеется, это накладывало ограничения и на научные исследования литературных форм анекдотического.

Тем не менее интерес к такой филологической проблематике не угасал, исследователи делали все возможное, чтобы открыть читателю заповедную область устной юмористической словесности и сферу литературного анекдота. Сосредоточим основное внимание на книгах Е.Я. Курганова, опубликованных в последнее время. Имя слависта Ефима Яковлевича Курганова, ныне живущего в Париже и работающего профессором в Сорбонне, достаточно хорошо известно отечественным филологам. Еще в 1990 г. он выпустил составленный им сборник «Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века» [1]. В 1997 г. в академической серии «Современная западная русистика» увидело свет исследование Е.Я. Курганова «Анекдот как жанр» [2]. В 2014 г. книга была переиздана [3]. А в 2017 г. из-под пера того же автора вышла работа с примечательным названием «Русский Мюнхгаузен» [4].

Обычно устная словесность ассоциируется в нашем сознании с фольклором, уходящим своими корнями в глубину веков и в широкие народные массы, воплощавшие свой многомерный жизненный опыт в эпохи дописменной культуры исключительно в сфере устного творчества. Но среди многих пластов русской словесной культуры есть и такой малоизученный пласт, как устная литература, получившая распространение в сфере дворянского быта. Неслучайно свою книгу «Русский Мюнхгаузен» Курганов начинает с признания Петра Андреевича Вяземского: «У нас была и есть устная литература. Жаль, что ее не записывали. Часто встречаешь людей, которые говорят очень живо и увлекательно. Нередко встречаешь удачных рассказчиков, бойких краснобаев и метких остряков. Но все выдыхается и забывается» [4, с. 9]. Отталкиваясь от этого горького суждения поэта девятнадцатого столетия, яркого человека пушкинской эпохи, Курганов пытается определить свою задачу исследователя: «И канула русская устная литература в бездну небытия. Но что-то еще можно сделать, вос-

становить. Реконструировать, выбирая по крупицам из писем, дневников, записок современников. Вот мы и попробовали сделать первый шаг» [4, с. 10].

Курганов, фиксируя самобытность русского анекдота, отмечает, что корпус русских народных анекдотов до сих пор не собран и не систематизирован. Фактически то же самое можно сказать и о литературном анекдоте. Подобные анекдоты в великом множестве рассыпаны по мемуарам, записным книжкам, письмам, альбомам. Благородная цель исследователя – сохранить это богатое наследие отечественной культуры.

В каждую эпоху человеческое общение не обходилось без живительной влаги анекдотического, без ручейков мимолетного острословия. В разных странах Европы их, эти анекдотические мини-истории, крохотные взрывающиеся смехом диалоги, называли по-разному – в Италии фацетиями, во Франции фабльо, в Германии шванками. Но они непременно присутствовали в сфере повседневной социальной коммуникации. Да и не могло быть иначе, ведь невозможно жить в уныло одномерном мире тотальной серьезности, чем бы важным эта серьезность ни была продиктована – строгими установлениями государственной власти, незыблемым церковным ритуалом, авторитетом научной мысли. В реальной и постоянно пульсирующей жизни есть и множество других значимых граней и сторон.

Парадоксально, но любую эпоху своими высказываниями маркировали не только государи, полководцы, мыслители, но и известные в свое время остроумцы и шутники. Это понятно, поскольку всегда существовала жизненная потребность в шуте, в десакрализирующем лекарстве смеха. Любому король вполне естественно нуждался в шуте. Шут позволял взглянуть на примелькавшиеся реалии с определенной дистанции, выводил их из привычного автоматизма восприятия. Без такой дистанции невозможен смех как таковой. Находясь в карнавальном пространстве тотального смыслового

переиначивания, народ мог неожиданно развенчать короля и увенчать шута.

Острословие создавало в обществе иммунитет к властному высокомерию, к потере социальной зоркости и умения безошибочно опознать мнимые величины сущего.

Характеризуя распространенные на рубеже XVIII–XIX вв. анекдотические циклы-эпосы об А.Д. Копьеве, В.И. Апраксине, Л.А. Нарышкине, Курганов подчеркивает их сознательную ориентацию на рассказчика-простака, способного вывести любую ситуацию из цепи принятых в обществе условностей и продемонстрировать «голую» правду такой ситуации. Упоминает Курганов и осевшего в России итальянца Сальваторе Тончи, обладавшего помимо таланта живописца еще и даром остроумного собеседника. Как устный рассказчик он был склонен, так сказать, к гиперболической манере ведения разговора – все в его передаче приобретало максимальный масштаб, получало очертания невиданного и неслыханного. Столь же скандально преувеличенным было и бахвальство самого заезжего остроумца.

Своеобразным творческими дуэтом выступали родственники Алексей Михайлович и Василий Львович Пушкины, веселившие московское общество своим взаимным пикированием и создававшие настоящие устные поединки, впитавшие традиции национального балагурства. «Если А.М. Пушкину был близок фольклорный дурак, который выводит на свет божий глупость, простоватость, наивность окружающих, то поведенческому стилю В.Л. Пушкина родственен фольклорный дурак, которого отличает феноменальная наивность, тот дурак, над которым потешаются. Таким образом, двое Пушкиных блистательно реализовали те две основные возможности, которые дает фольклорная модель дурака» [4, с. 72].

Особое внимание автор уделяет устным новеллам Д.Е. Цицианова. Фактически перед нами реконструкция биографии известного острослова

и мистификатора своей эпохи. В ходе такой реконструкции в дело идет многое – материал переписки известных литераторов и их окружения, дневниковые записи, мемуарные свидетельства, интертекстуальные переключки в художественных произведениях. Князь Дмитрий Евсеевич Цицианов (1747–1835), основатель московского Английского клуба, вел рассеянную жизнь расточительного хлебосольного барина и весельчака. Он давал роскошные обеды, которые были своеобразной площадкой для шумного общения и публичной демонстрации его бесконечных вымыслов. Такая персона была весьма характерна именно для барской Москвы того времени. Потерявшая в петровскую эпоху статус и обременительные казенные полномочия столицы, Москва в XVIII и XIX вв. утратила официоз и беспечно погрузилась в теплую атмосферу приватной, сугубо домашней жизни, где есть место и молве, и более коротким межличностным отношениям, и неспешному ходу времени. Конечно, для жадной до слухов и розыгрышей московской публики словоохотливый и изобретательный по части шуток Цицианов был настоящей находкой.

Основанием для именованья Цицианова «русским Мюнхгаузеном» было, прежде всего, то, что в своих фантастических байках он следовал «заповедям» того классического вралю, чей образ вышел из-под пера Рудольфа Эриха Распе. Так, будучи представителем старинного грузинского рода, Цицианов сам никогда не был на Кавказе. Поэтому в его устных рассказах Грузия представляла явно присочиненным волшебным краем, где все принимало самые необыкновенные, далекие от реальности формы. Курганов приводит запись П.И. Бартенева, сохранившую одну из его баек: «Он преспокойно уверял своих собеседников, что в Грузии очень выгодно иметь суконную фабрику, так как нет надобности красить пряжу: овцы роятся разноцветными, и при захождении солнца стада этих цветных овец представляют собою прелестную кар-

тину» [4, с. 108]. Цицианов мог тешить доверчивую московскую публику рассказами о таких тяжелых гроздьях грузинского винограда, что каждую гроздь несут на палках двое; о тамошних пчелах размером с воробья.

И как всегда бывает с такими персонами рассказчиков-остроумцев, личность Цицианова стала подвергаться своеобразной фольклоризации, наделяться дополнительными свойствами, обрастать приписываемыми ей сюжетами. Курганов заключает: «Оригинальный, своеобразный рассказчик строил свои устные новеллы и в целом формировал свою специфическую репутацию в обществе, явно учитывая мюнхгаузеновскую модель, явившуюся кристаллизацией опыта народных небылиц. Таким образом, "остроумные вымыслы", существуя в границах старомосковского быта и не выходя из него, одновременно приобретали статус художественного текста, просто обладающего особой сферой бытования – устной» [4, с. 168].

Добавим к этому, что дело «русского Мюнхгаузена», князя Цицианова и ему подобных остроумцев не ушло в небытие, не пресеклось. Во-первых, семантически емкие отголоски устной литературы мы обнаруживаем уже в письменной литературе того времени. Когда Л.П. Гроссман в 1923 г. писал свою статью «Искусство анекдота у Пушкина» [5], он учитывал этот устный контекст пушкинского творчества и находил явные и весьма примечательные переключки с бытовавшими в начале XIX в. анекдотами. А, во-вторых, на протяжении последующих десятилетий культурного развития анекдот прочно вошел в культурный обиход самых разных слоев общества и обрел почетное место в репертуаре так называемого городского фольклора. Когда мы описываем ту или иную историческую эпоху, то непременно вспоминаем не только серьезные исторические документы, глубокие произведения большой литературы, но и характерный для этого периода набор популярных анекдотов и сходных историй, в которых тоже по-своему, как в

причудливом зеркале, парадоксально отражалось многомерное время.

В 2020 г. вышла в свет новая книга Курганова «Нелепое в русской литературе: исторический анекдот в текстах писателей» [6]. В данном труде основной акцент перенесен с явлений устной коммуникации на собственно литературные произведения, конструкцию которых определяют анекдотические модели. За строками известных классических текстов, в самом деле, нередко мерцают удачно использованные авторами расхожие анекдоты того времени. Курганов называет их историческими, поскольку они отнюдь не выдуманы задним числом, а имели место в реальной жизни.

Заслуживает внимания мысль исследователя о текучести анекдота. Речь идет о том, что в зависимости от конкретной ситуации актуального использования один и тот же анекдот обрастает различными дополнительными смыслами, что увеличивает спектр его прагматических функций. Анекдот обладает особой зависимостью от социокультурного контекста.

Курганов пишет о том, что анекдот выступает эффективным средством построения многомерной истории нравов. Делается справедливый акцент на присущей анекдоту функции *демифологизации*, очищения от избыточности культа той или иной личности.

Под таким углом зрения автор внимательно рассматривает творчество А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.П. Платонова, С.Д. Довлатова.

И как все предшествующие работы Курганова, данная книга богато проиллюстрирована яркими примерами литературных анекдотов.

Можно установить актуальные связи работ Курганова с отечественной научной традицией изучения анекдотического. Еще в 1920-е гг. филолог Л.П. Гроссман в упомянутых «Этюдах о Пушкине» устанавливал два исторически сложившихся типа анекдота – *ситуативный* и *каламбурный*. Ситуативный, как более древний,

генетически связан с фабль и фацетиями Средневековья и Возрождения. Его отличает преобладание земного, телесного начала, обостренное внимание к забавным и почти неправдоподобным ситуациям, к «комедии положений». Он груб и нередко «непристойен» по современным понятиям. Качественно новый тип анекдота возникает в конце XVIII – начале XIX века – в эпоху галантного, салонного остроумия. Входит в моду изящный, интеллектуальный анекдот, зачастую не анонимный по своему происхождению (в числе талантливых остроумцев этой эпохи обычно называют Вольтера, позже Стендаля, Мериме). По мысли Л.П. Гроссмана, этот тип анекдота имел свой расцвет, своеобразно отразился в творчестве А.С. Пушкина и вскоре угас («Герцен был у нас последним остроумцем в духе XVIII века») [5, с. 55].

Термин «анекдот» в научной литературе и по сей день выступает по меньшей мере в двух значениях. С одной стороны, анекдотами называются вполне самостоятельные, *автономные* жанровые формы как ситуативного характера (родственные как раз фабль, шванкам, фацетиям), так и каламбурного типа (выстроенные на изящной игре слов миниатюрные остроумные диалоги). С другой стороны, анекдотом может быть назван и *внутриструктурный* элемент большого повествования, сохраняющий относительную семантическую самостоятельность (нечто вроде «рассказа в рассказе», «вставной» новеллы). Подчеркнем, что анекдот свободен лишь аксиологически, но не с точки зрения поэтики. Поэтическая формула анекдота обладает достаточной жесткостью. Анекдот – всегда «остановленное мгновение», своеобразный «стоп-кадр». В то же время писатель может использовать анекдот как исходную площадку для дальнейшего «строительства» более крупной художественной конструкции. Об этом писали в разное время исследователи Я.О. Зунделович [7], Д.П. Николаев [8], А.Д. Синявский [9]. В.И. Тюпа в книге «Художественность чеховского рассказа» плодотворно раз-

мышлял о своеобразной контаминации анекдотических и притчевых форм в чеховских повествованиях [10]. Курганов, таким образом, не одинок в своем устремлении к изучению семантики и прагматики анекдота и его возможных модификаций. Кроме того, существуют различные виды сюжетного развертывания анекдота в произведениях более крупных повествовательных форм. Эти виды сюжетного развертывания определяют соотношение анекдотического, с одной стороны, и дополнительных подробностей, боковых фабульных линий, комментариев-уточнений повествователя – с другой. Типология видов такого развертывания анекдота практически не изучена. В то же время в истории литературы мы найдем много семантически богатых примеров художественного развертывания анекдота. Достаточно вспомнить лишь малую прозу Ф.М. Достоевского («Скверный анекдот», «Крокодил»), рассказы А.П. Чехова («Лошадина фамилия», «Ночь на кладбище»), фельетоны М.А. Булгакова, сатирико-юмористические новеллы М.М. Зощенко.

Следует различать также понятия «анекдот» и «анекдотизм». Анекдотизм значительно шире анекдота, даже и получившего сюжетное развертывание. В данном случае речь идет о некоей «стихии», разливающейся в произведении и подчиняющей себе многие составляющие данного художественного целого. Стихия анекдотизма может включать в себя не только анекдоты как таковые, но и отдельные анекдотические элементы, и формы, близкие к анекдоту, и микроистории, не доведенные еще до анекдотической изящной лапидарности, но, безусловно, к ней устремленные. Анекдотизм отнюдь не выступает синонимом поверхностной развлекательности. Как демонстрирует новеллистика М.М. Зощенко, анекдотизм может приобретать трагикомический характер, когда отображаемые анекдотические пустяки не заслоняют, а, напротив, высвечивают, оттеняют трагически-ужасную нескладницу абсурдной жизни.

Художественные функции анекдотического в русской литературе первой трети XX в. многообразны. Прежде всего анекдот (и шире – анекдотизм) был удобным средством эстетического освоения провинциальной жизни. Выстраивая курьезную череду анекдотических пустяков, художник ставил под сомнение явно завышенную самооценку провинциала, самонадеянно полагавшего, что весь мир вертится вокруг его уникального, но недостаточно признанного «я». Анекдот, введенный в систему фабулы или в ткань повествования, помогал читателю обнаружить, что в сознании обитателей провинциальных уголков нередко деформируется масштаб бытия. Возникают неожиданные парадоксы в восприятии времени и пространства. Время историческое заслоняется или совсем вытесняется временем индивидуальной жизни, мелкие события которой выступают в роли значительных этапов, рубежей, точек отсчета. Точно так же герои прозы Ф.К. Сологуба («Мелкий бес»), М. Горького («Городок Окуров»), Е.И. Замятина («Уездное», «Алатырь»), А.Н. Толстого (цикл «Заволжье»), Ю.Л. Слезкина («Козел в огороде») А.П. Платонова («Город Градов»), М.Я. Козырева («Крокодил») равнодушны ко всему тому, что в чисто пространственном отношении находится за пределами их усадьбы или уездного городка, выступающих для них в значении целого мира.

Избыточная претенциозность, некоторое верхоглядство и высокомерие по отношению к непосвященным были, наверное, проявлением извечного «комплекса неполноценности», присущего провинциальной жизни (оторванность от культурных центров, недостаточная информированность, определенная психологическая неподвижность и т. д.). Русская сатирико-юмористическая проза осмеивала (в том числе и средствами анекдотической образности) провинциализм как категорию сугубо нравственную, как застой души, рядящейся при этом в одежды псевдозначительности.

Как известно, теме русской провинции в XX в. (прежде всего в 1910-е гг.) вслед за И.А. Буниним, Б.К. Зайцевым уделено много внимания молодой А.Н. Толстой. Тяготая к многогранному изображению мира в его постоянной изменчивости, А.Н. Толстой соединял сатирическое и несатирическое, щедро вводил в свои произведения не только фельетонные, памфлетные, пародийные начала, но и анекдотические ситуации. Еще критики 1910-х гг. Е.А. Колтоновская [11], В.Л. Львов-Рогачевский [12], по-разному оценивая раннюю прозу А.Н. Толстого, констатировали факт присутствия в ней анекдотических начал. Своеобразную «верность» анекдотизму А.Н. Толстой сохранил и позднее – и как детский писатель, и как автор исторической прозы, и как драматург-комедиограф. Тяга к анекдотическому легко сопрягалась с общим складом его личности художника. А.Н. Толстому был ближе анекдот в стиле старинных фацетий. Интерес к грубоватому, «физиологическому» анекдоту, бесспорно, диктовался самим жизненным материалом, попадавшим в сферу внимания писателя. А.Н. Толстой разрабатывал преимущественно ситуативный анекдот.

Современная русская литература рубежа XX–XXI вв. обогатилась большим числом художественных произведений, построенных на анекдотическом материале (проза С.Д. Довлатова, М.И. Веллера, В.Н. Войновича, Г.И. Горина, М.М. Жванецкого, М.Н. Задорнова), что заставляет исследователей продолжать процесс научного осмысления семантики и прагматики литературного анекдота.

В новой книге «Нелепое в русской литературе: исторический анекдот в текстах писателей» Е.Я. Курганов, заостряя проблему, пишет об особой востребованности в современную эпоху лапидарных анекдотических форм: «Интеллект современного человека в первую очередь настроен на получение информации – сжатой и короткой. Однако подобное художественное творчество отнюдь не исчезло, просто его движение определяют теперь несколько иные эстетиче-

ские ориентиры. Проявляется это в том, что анекдот оказался вдруг важнее и романа, и повести. Причем врожденная историософичность анекдота, сочетающаяся с исключительной мобильностью и концентрированностью, сейчас очень к месту. Анекдот продолжает оставаться

художественно необычайно эффективным. И он себя еще покажет» [6, с. 50]. Простим автору некоторую запальчивость и категоричность суждения, просто они объясняются его истовой влюбленностью в предмет своей каждодневной филологической рефлексии.

Список литературы

1. Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века / вступ. ст. Е. Курганова; сост. и примеч. Е. Курганова и Н. Охотина; худож. Г. Клодт. Москва: Худож. лит., 1990. 270 с.
2. Курганов Е. Анекдот как жанр. Санкт-Петербург: Акад. проект, 1997. 123 с.
3. Курганов Е. Анекдот как жанр русской словесности. Москва: ArsisBooks, 2014. 264 с.
4. Курганов Е.Я. «Русский Мюнхгаузен»: Реконструкция одной книги, которая была в свое время создана, но так и не была записана. Москва: Б.С.Г.-Пресс, 2017. 224 с.
5. Гроссман Л.П. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Пушкин: исследования и статьи. Москва: Современные проблемы (Н. А. Столляр), 1928. 389 с.
6. Курганов Е.Я. Нелепое в русской литературе: исторический анекдот в текстах писателей. Москва: АСТ, 2020. 256 с.
7. Зунделович Я. Анекдот // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 1. [Москва]: Изд-во Ком. акад., 1930. Стб. 161-163.
8. Николаев Д. Смех – оружие сатиры. Москва: Искусство, 1962. 223 с.
9. Синявский А.Д. Литературный процесс в России. Москва: РГГУ, 2003. 432 с.
10. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. Москва: Флинта, 2020. 191 с.
11. Колтоновская Е. Новое в литературе (несколько итогов) // Русская мысль. 1916. № 12 (дек.). С. 71–84.
12. Львов-Рогачевский В. Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник», 1911. Книги 14-я и 15-я. «Две жизни». Роман в двух частях гр. Алексея Н. Толстого // Современный мир. 1911. № 6. С. 333–334.

Сведения об авторе:

Голубков Сергей Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

Московское шоссе, 34, Самара, 443086
golubkovsa@yandex.ru

Дата поступления статьи: 22.08.2021

Одобрено: 20.09.2021

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования:

Голубков С.А. Осмысление судеб литературного анекдота в современной филологии // Сфера культуры. 2021. № 3 (5). С. 25-33. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_5_25

УДК [82-17+81'276]-021.452

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_5_25

S.A. Golubkov

Samara
Samara National Research University
named after Academician S. P. Korolev
golubkovsa@yandex.ru

UNDERSTANDING THE FATE OF LITERARY ANECDOTES IN CONTEMPORARY PHILOLOGY

This article deals with the study of anecdotal forms in modern literary criticism. In recent decades, there has been a growing interest in the study of the semantics, pragmatics and poetics of the anecdote. It focuses on the books of the Slavist E. Ia. Kurganov, *The Russian Munchausen* (2017) and *The Absurd in Russian Literature: The Historical Anecdote in Writers' Texts* (2020). The first book is mainly concerned with anecdotal forms of oral communication in Russian culture of the nineteenth century, while the second book traces the influence of anecdotal models on the construction of literary works by A. S. Pushkin,

N. V. Gogol, V. F. Odоеvsky, I. S. Turgenev, F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov, A. P. Platonov, and S.D. Dovlatov. The current article discusses the connections of Kurganov's works with the Russian scholarly tradition of studying the anecdote. It stresses the productivity of Kurganov's view of the fluidity and historiosophical nature of the anecdote.

Keywords: anecdote, oral literature, wit, semantics, pragmatics, everyday communication, simple-minded narrator, demythologization, practical joke, plot development

References

1. *Russkii literaturnyi anekdot kontsa XVIII – nachala XIX veka* (1990) / *Vstup. st. E. Kurganova; sost. i primech. E. Kurganova i N. Okhotina; khudozh. G. Klodt* [The Russian literary anecdote of the end of the eighteenth – beginning of the nineteenth century / Introduction by E. Kurganova; comp. and notes by E. Kurganova and N. Okhotina; artist G. Klodt]. Moscow: Khudozh. lit. (In Russian).
2. Kurganov, E. (1997) *Anekdot kak zhanr* [The anecdote as a genre]. St. Peterburg.
3. Kurganov, E. (2014) *Anekdot kak zhanr russkoi slovesnosti* [Anecdote as a genre of Russian literature]. Moscow: ArsisBooks. (In Russian).
4. Kurganov, E.Ia. (2017) «*Russkii Miunkhgauzen*»: *Rekonstruktsiia odnoi knigi, kotoraiia byla v svoe vremia sozdana, no tak i ne byla zapisana* [«The Russian Munchausen»: Reconstruction of a book that was created but never recorded]. Moscow: B. S. G.-Press. (In Russian).
5. Grossman, L.P. (1928) *Sobranie sochinenii, t. 1: Pushkin: issledovaniia i stat'i* [Collected works. Vol. 1: Pushkin: research and articles]. Moscow: Sovremennye problemy (N. A. Stolliar). (In Russian).
6. Kurganov, E.Ia. (2020) *Nelepoe v russkoi literature: istoricheskii anekdot v tekstakh pisatelei* [The absurd in Russian literature: The historical anecdote in the writers' texts]. Moscow: AST. (In Russian).
7. Zundelovich, Ia. (1930) *Anekdot. Literaturnaia entsiklopediia, t. 1* [Literary Encyclopedia, vol. 1], 161-163. (In Russian).
8. Nikolaev, D. (1962) *Smekh – oruzhie satiry* [Laughter - a weapon of satire]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

9. Siniavskii, A.D. (2003) *Literaturnyi protsess v Rossii* [The literary process in Russia]. Moscow: RGGU. (In Russian).
10. Tiupa, V.I. (2020) *Khudozhestvennost' chekhovskogo rasskaza* [The artistry of Chekhov's short story]. Moscow: FLINTA. (In Russian).
11. Koltonovskaia, E. (1916) Novoe v literature (neskol'ko itogov) [What is new in literature (several conclusions)]. *Russkaia mysl'* [Russian Thought], 12 (dek.), 71-84. (In Russian).
12. L'vov-Rogachevskii, V. (1911) Literaturno-khudozhestvennye al'manakhi izdatel'stva «Shipovnik», 1911. Knigi 14-ia i 15-ia. «Dve zhizni». Roman v dvukh chastiakh gr. Alekseia N. Tolstogo [Literary and artistic almanacs of the publishing house «Shipovnik,» 1911. Books 14 and 15. «Two lives,» A novel in two parts by Alexei N. Tolstoy]. *Sovremenny'j mir* [Modern World]. 6, 333-334. (In Russian).

About the author:

Sergey A. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev

Moskovskoe shosse, 34, Samara, 443086
golubkovsa@yandex.ru